

Татьяна ГРИГОРЯНОВА – Марина Станиславовна МАТЫЦИНА

Лингвокультурное исследование фразеологизмов с компонентом «зависть» (на материале русского, английского и словацкого языков)

Статья посвящена сравнительному анализу русских, английских и словацких фразеологических единиц, характеризующих завистливого человека. Исследование фразеологизмов в сопоставительном аспекте выявило специфику фразеологических единиц русского, английского и словацкого языков, их культурно-национальную коннотацию. Семантическая структура и образная составляющая исследуемых фразеологических единиц рассматриваются в данной статье в тесной связи с экстралингвистическими, социальными и культурными факторами.

Ключевые слова: фразеология; фразеологические единицы; зависть; идиомы; сопоставимость лексем; метафоризация

Linguocultural Research of Phraseological Units with the Component “Envy” (on Material of Russian, English and Slovak Languages)

The article is devoted to the comparative analysis of phraseological units characterizing envious person in English, Russian and the Slovak languages. The research from the comparative aspect has shown that the units under investigation are frequent in three proverbial systems. Besides, several examples are given from each language. Semantic structure and figurative base of these phraseological units are viewed in close connection with the extralinguistic, social and cultural factors.

Key words: phraseology; phraseological units; envy; idioms; comparability of the lexemes; metaphorization

Предметом рассмотрения данной статьи являются паремиологические единицы, где зависть как конструкт наивной картины мира представлена большим числом фразеологических единиц, отличающихся друг от друга

степенью интенсивности выражаемого отношения человеческого общества к зависти представителями английской, русской и словацкой лингвокультур. Мифология, отраженная в пословицах и поговорках, — есть тот «культурный минимум, знание которого является обязательным для всех представителей данной культуры»¹, а их лингвистический анализ позволяет установить ценностные приоритеты сравниваемых культур. Именно фразеологизмы «... ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет»².

Ряд русских пословиц указывает на то, что суть зависти — наивысшее социальное сравнение, угрожающее самоуважению человека, явление, несущее саморазрушение, самоуничтожение и, как следствие, имеющее признак «опасность» не только для окружающих, но, в первую очередь, для самого завидующего: *железо ржа съедает, а завистливый от зависти погибает; чужим здоровьем болен; завистливый от зависти сохнет; на чужой живот гляди да сохни*. То, что человек своими пороками разрушает самого себя, находит отражение и в целом ряде словацких связанных сочетаний: *závisť zožiera vlastného pána*. Зачастую чувство зависти может влиять на внешний облик человека. И совсем не в лучшую сторону: *človek závisťlivý, sám sebe je krivý*. В английском языке это выражено в следующих единицах: *envy eats nothing but its own heart; envy shoots at others and wounds herself*. Как видно из примеров, в русском и словацком вариантах для придания более экспрессивного эффекта используются глагольные метафоры *сохнуть, ржаветь, пожираться*, в английском зависть наделена человеческими качествами и представлена в образе стрелка, который, пытаясь поразить другого, поражает себя самого³. Антропоморфизм как мировоззренческий принцип был господствующим принципом познания и объяснения непонятных явлений природы и закономерностей устройства мира на ранних этапах развития общества.

Концентрируясь на статусе другого человека, зависть не терпит превосходства, достоинства, а тем более счастья других: *где счастье, там и зависть; где несчастье, там зависти нет; сосед спать не дает: хорошо живет*. В английском языке об этом повествуют следующие единицы:

¹ KARASIK, V. I.: *Status lica v značenii slova: učeb. posobie*. Volgograd, Izd-vo VGPI, 1989, s. 121.

² TELIJA, V. N.: *Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turnyj aspekt*. Moskva, Jazyki russkoj kul'tury, 1996, s. 6.

³ LYZLOV, A. I.: *Ob obraze zavistnika v anglijskich i russkich frazeologizmach*. In: *Acta Rossica Tyrnaviensis. Zborník štúdií Katedry rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave*. Brno, Tribun EU, 2014, s. 72.

envy can abide no excellency; envy doesn't enter an empty house. В словацкой фразеологии это следующие фразы: *šťastie budí závisť; bohatstvo plodí závisť, chudoba nenávisť; kto má šťastie, tomu závidia, a kto má škodu, má i posmech; šťastie bez závisťi nebyva; šťastie budí závisť.* В то же самое время зависть сравнивается с похвалой и лестью: *у лицемера хвалы мешок, а у завистливого хулы горшок.* Подобным высказыванием в английском языке может служить фраза: *envy is a left-handed praise.* Во всех исследуемых лингвокультурах обнаружено значительное количество паремий, отсылающих к ситуации желанья иметь чужое с элементом досады, раздражения, недовольства, а иногда и враждебности к превосходящему. В русском языке примером может служить следующая фразеологическая единица: *берут завидку на чужие пожитки,* в английском: *envy and covetousness are never satisfied,* причем в английском варианте интерес представляет лексема *covetousness,* ее можно перевести как «алчность», «жадность», «корысть», «скупость», другими словами зависть и жадность, как ночь и день — одно неизбежно рождает другое. Они взаимно дополняемы и, вероятнее всего, неразделимы. Деление по признаку «свой–чужой» уходит своими корнями в неизмеримую даль прошлого и сопровождает человечество на протяжении всего его существования. Дихотомия «свой–чужой» во фразеологических картинах мира разных языков используется довольно часто⁴. Используется она и для описания зависти. Об этом повествуют и словацкие фразеологические единицы: *inde sa všade lepšie majú; majetok ide so závisťou.* Однако чувство зависти возникает не просто к тому, кто является обладателем того, чего нет у завидующего. Причиной возникновения зависти служит только то, к чему у человека имеется непосредственный интерес, что им высоко ценится и в чем у него имеется потребность. Еще одной иллюстрацией неконтролируемого желанья получить чужое может быть единица: *an envious man waxes lean with the fatness of his neighbor.* Примечательно, что в данном случае используется принцип бинарной оппозиции, согласно которому феномен зависти выражается антонимической парой: *худоба–полнота.* Зависть является конкурентным чувством, ориентированным на обладание и доминирование.

Бесспорно, мечта о том, что люди рано или поздно избавятся от зависти во взаимоотношениях друг с другом, является несбыточной. Такой неутешительный вывод нам позволяют сделать следующие фразы: *envy never dies; smrť hasí závisť; závistlivci pominú, ale závisť zostane.* Следует доба-

⁴ JACKENDOFF, R.: *Patterns in the Mind: Language and Human Nature.* New York, BasicBooks, 1994, s. 212.

вить, что в русской паремиологии существует ряд единиц, выражающих крайне негативное проявление зависти, граничащее с желанием человекоубийства: *Господи, Господи! Убей того до смерти, кто лучше нашего живет*. В английской паремиологии считается, что зависть вряд ли появится в душе благородного человека и настоящего друга: *envy never dwells in noble soul*; она разрушается под влиянием настоящей дружбы: *envy is destroyed by true friendship*; зависть друга считается хуже ненависти врага: *friend's envy is worse than an enemy's hatred*.

Сравнение же собственной ситуации и собственных достижений с ситуацией и успехами соперника обнаруживает более низкое положение завистника или скудность его результатов. В «наивной модели мира» во всех рассматриваемых в данной статье лингвокультурах фразеологические единицы подчеркивают мысль о том, что завистнику чужое нравится больше, чем свое собственное. При этом они насыщены образностью различной тематики. Так, в русском языке существует немало фразеологических словосочетаний, в состав которых входят образы животного мира, например, домашних птиц или рыбы: *курица соседа всегда выглядит гусыней; на чужом дворе и курица с гуся; хороша рыба на чужом блюде; не то беда, что у меня корова сдохла, а то беда, что у соседа живая*. Находим подобные паремии и в английской лингвокультуре: *it is good fish if it were but caught; the camel going to seek horns lost his ears*. В словацкой картине мира используется образ соседской коровы, которая дает больше молока, да оно и вкуснее: *susedova krava viacej mlieka dáva; susedova krava sladšie mlieko dáva*.

В ряде фразеологических единиц русского языка используется названия артефактов: *чужая клеть пирогами пахнет; заветный перстенок и поношенный хорош* (здесь нет чужого); *в чужих руках хлеба крохи большим ломтем кажутся; в чужих руках краюха за ковригу; в чужом кармане и монеты звонче*. В словацком языке об этом повествует единица: *lepšia úroda na susedovej roli*.

И в русской, и в английской фразеологии можно встретить единицы, использующие такое понятие как пространство: *звонки бубны за горами; blue are the hills that are far away*. В обеих фразах экспрессивный оттенок достигается за счет такого синтаксического приёма как инверсия, т. е. происходит выдвигание на первое место в предложении прилагательного-предикатива. Это прилагательные *звонки* и *blue* соответственно, которые обладают яркой эмоционально-экспрессивной окраской оценочного характера, являющейся существенным элементом фразеологического значения. Образ солнца используется и во фразе словацкого языка: *Myslí, že len jemu slnce svieti*. В данной единице говорится о субъективности восприятия окру-

жающей действительности. В шуточной форме порицаются завистливые люди, которые считают, что только они достойны быть счастливыми, успешными и удачливыми, а не другие.

Как в русской, так и в английской паремииологии обнаружены отрицательно маркированные единицы, связанные со священнослужителями. В русской культуре — это поп: *завистливый поп два века живет*; в английской — монах: *no envy like a monk's*.

Считается, что завистливых людей можно узнать по лицу и глазам. Подтверждение находим, прежде всего, в русских поговорках, где главным органом, наделенным низменными желаниями овладеть чем-либо, выступают глаза. Данный факт еще раз наглядно доказывает высокую степень распространенности антропоморфной метафоры, что, так же как и у человека, у зависти имеются глаза и руки, но глаза у нее всегда голодные, бесстыдные, дерзкие, а руки — длинные, загибающиеся: *сытых глаз на свете нет; завидуя глаза не знают стыда; глаза (очи) завидуя, руки загибаются; на чужое добро и глаза разгораются; глаз не накормишь; завистливый своих двух глаз не пожалеет; глаза — ямы, а руки — грабли*. В некоторых пословицах глаза — бездонный сосуд, на что ни посмотрят (взглянут, пучатся, окинут), всего хотят, разгораются желанием, глядя на чужое добро. В некоторых пословицах, они — враги, данные человеку на погибель: *у зависти глаза рачьи; завистливое око видит широко (далеко); завидливые глазки колом тычут; завидливые глазки все съест хотя; где глаза окинут, тут жаль покинуть; завистлив, что поповские глаза; глаза человеку вороги*. Как видно из приведенных выше фразеологических единиц, повышению экспрессивности способствует метонимия — стилистический прием, в результате которого происходит воображаемое замещение одного значения другим (переименование). В нашем случае часть тела человека, а именно глаза, используются в качестве обозначения ее обладателя — завистника. Нужно отметить, что метонимия рождает многомерный образ, концентрирует внимание на самом главном, а именно на глазах человека для отражения чувства зависти. В словацкой картине мира также есть высказывания, где зависть связана с основным ощущением человека — со зрением: *Málo vidí a moc závidí*. Зависть лишает человека и зрения, и слуха, оказывает разрушительное влияние на физическое состояние человека. Однако в английском языке поговорки с элементом eyes, в которых у зависти дерзкие (наглые, хитрые) глаза, находим в наименьшем количестве случаев: *envy has smarting eyes; cast no greedy eye at another man's pie; envy is blind; nothing sharpens sight like envy*. Помимо глаз для описания завистливого человека используется еще один соматизм — руки, т. е. где глаза, там и руки подспорье. Гребут как грабли, хватают, захватывают, загибают:

что ни попало под лану, то и среб. В английском языке у зависти длинные руки: *greedy folk have long arms*.

В всех лингвокультурах положительную оценку получает мысль о том, что когда тебе завидуют, то это и не так уж и плохо: *better be envied than pitted; it is better be spited than pitied*; *лучше быть у других в зависти, нежели самому в кручине; лучше быть в зависти, чем в жалости; nech radšej sto ľudí závidí, ako má jeden ľutovať; pán Ľutoval nič nedal, pán Závidel skazu vzal; pán Ľutoval nič nedal, pán Závidel nič nemal; bodaj by mi ľudia závideli, ako by ma mali ľutovať; odvráť, bože, ľutovníkov a prispor nám závistníkov!; beda tomu, koho ľutujú*. В приведенных выше нормативно-оценочных фразах аксиологические смыслы объективируются в рамках компаративных моделей, где зависть сопоставляется с жалостью, причем в словацкой картине мира используется прием антропоморфизации. Зависть предстает в образе человека, ей присваивается имя «пан Зависть», таким образом, происходит очеловечивание данного чувства, приписывание ему человеческих черт. Завидуют успешным, счастливым и талантливым, жалеют слабых и обездоленных. В этой связи содержание рассматриваемых единиц приобретает особый подтекст, т. к. зависть, будучи явно осуждаемым чувством, является спутницей успеха, чего желает каждый человек. Древнегреческий историк Геродот писал: «Лучше быть предметом зависти, чем сострадания».

В русском паремиологическом фонде не было выявлено единиц, соответствующих следующей группе английских паремий: *if envy were a fever, all mankind would be ill; if envy were a rash, the whole town would be ill*, а также признак «зависть среди равных» — главная философская идея Аристотеля, которую Гесиод⁵ считал соревновательностью: *one potter envies another; the potter envies the potter, the smith the smith; two of a trade seldom agree; one beggar is woe that another by the door should go*. В словацкой фразеологии фразы: *hrnčiar hrnčiarovi závidí; žobrák žobrákovi najviac závidí* говорят о наличии похожего описания чувства зависти.

Дефиниционный признак «хороший», «на зависть» находим в следующих русских единицах: *завидны в поле горох, да репа; добрый сын всему свету завидище; на хороший цветок и пчела летит*. В английских паремиях зависть может рассматриваться как своего рода дифирамб — преувеличенная, восторженная похвала и откровенная лесть: *envy is a kind of praise; envy is a left-handed praise*.

Завистник — несчастный человек, страдающий от сомнений, от навязчивых мыслей, от отсутствия так называемого «чувства» собственного

⁵ GESIOD: *Raboty i dni*. Perevod s drevnegreč. V. V. Veresajeva. Moskva, «Nedra», 1927, s. 87.

достоинства, достойный сожаления. Отсюда уместно привести некоторые единицы, которые говорят о бессмысленности зависти, поскольку зависть не приводит к достижению желанной цели: *не радуйся чужому безвременью, сам под богом; с доброго будет, а завистливому тишь; привет за привет, любовь за любовь, а завистливому хрену, да перцу и то не с нашего стола; чему позавидуешь, того сам берегись; чужому счастью не завидуй; в лихости и зависти нет ни проку, ни радости*, или как говорят англичане: *envy never enriched any man*. В словацком языке это: *nech svet laje, keď ti len pánboh praje; svet mi laje a Boh mi praje; pamätaj, že závistlivé oko je hotové nešťastie; nezávid' nikomu! Dobrí ľudia si šťastie zaslúžia a zlí sú aj v šťastí úbohí*.

В русской картине мира подчеркивается идея бесполезности и глупости зависти: *позавидовал хромой безногому, лысый плешивому, сутулый горбтому, бобыль беспяхотному*. В данных единицах звучит горькая ирония при описании недостатков человека, связанных с внешним обликом. Таким образом, прослеживается мысль о том, что завидовать другим — бессмысленно, поскольку зависть не приводит к достижению желанной цели.

Как видно из приведенных выше примеров во всех трех лингвокультурах имеется целый ряд общих признаков, однако существуют специфические, характерные только для той или иной культуры признаки. Рассмотрев данные примеры (стиль), мы видим, что каждый язык использует свои наименования для создания фразеологических единиц, выражающих такое человеческое чувство как зависть. Во фразеологическом фонде всех трех языков есть компоненты, которые схожи по смыслу, но все же большинство различаются. Разница обусловлена национальной спецификой культуры, образа жизни, образного восприятия внешнего мира народами. Складываясь в различных исторических условиях, английские, русские и словацкие поговорки и пословицы для выражения одной и той же или сходной мысли часто использовали различные образы, которые, в свою очередь, отражают различный социальный уклад и быт народов и часто не являются абсолютными эквивалентами.

Суммируя свойства и черты зависти, можно сделать заключение о том, что зависть обладает схожими чертами и свойствами в исследуемых культурах, а именно ненавистью, желанием зла другому, антипатией к нему, злорадством в случае его неудач и несчастий. Во всех трех сравниваемых языках четко вырисовывается следующее: зависть понимается как враждебное, неприязненное отношение к моральному превосходству, успехам, популярности или преимущественному положению другого лица. Таким

образом, зависть является негативно-маркированным явлением этического ряда, обладает негативной семантикой и осуждается во всех трех исследуемых культурах.

Литература:

- APPERSON, G.: *The Wordsworth Dictionary of Proverbs*. Wordsworth Editions Ltd. Hertford–London, 2006.
- DAL', V. I.: *Sbornik poslovic i pogovorok ruskogo naroda v 2 t.* Moskva, Chudožestvennaja literatura, 1989.
- DAL', V. I.: *Tolkovij slovar' živogo velikoruskogo jazyka v 4-ch t.* Moskva, Russkij jazyk, 1981.
- FRONEK, J. – MOKRÁŇ, P.: *Slovensko-anglický frazeologický slovník*. Bratislava, Nová práca, 2003.
- GESIOD: *Raboty i dni*. Perevod s drevnegreč. V. V. Veresajeva. Moskva, «Nedra», 1927.
- Historický slovník slovenského jazyka. Z-Ž. Dodatky*. Red. M. Majtán – R. Kuchar – J. Skladaná. Bratislava: Veda 2008.
- CHOKIN, D. Ž. M.: *The Oxford Dictionary of the English Language – Oksfordskij tolkovyj slovar' anglijskogo jazyka*. Moskva, OOO «Izdatel'stvo Astrel'», 2004.
- JACKENDOFF, R.: *Patterns in the Mind: Language and Human Nature*. New York, BasicBooks, 1994.
- KARASIK, V. I.: *Status lica v značenii slova: učeb. posobije*. Volgograd, Izd-vo VGPI, 1989.
- Krátky slovník slovenského jazyka*. Red. J. Kačala – M. Pisárčiková – M. Považaj. 4. dopl. a upr. vyd. Bratislava: Veda 2003.
- LYZLOV, A. I.: *Ob obraze zavistnika v anglijskich i ruskich frazeologizmach*. In: Acta Rossica Tyrnaviensis. Zborník štúdií Katedry rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave. Brno, Tribun EU, 2014, s. 67–76.
- Slovník slovenského jazyka. V. V–Ž*. Red. Š. Peciar. 1. vyd. Bratislava, Vyd. SAV 1965.
- Synonymický slovník slovenčiny*. Red. M. Pisárčiková. 3. vyd. Bratislava: Veda 2004.
- TELIJA, V. N.: *Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turnyj aspekty*. Moskva, Jazyki ruskoj kul'tury, 1996.
- The Oxford dictionary of proverbs*. Ed. by Jennifer Speakes 5th edition Oxford University Press. NY, 2008.

Tolkovyj slovar' russkogo jazyka v 4-ch t. Pod red. D. N. Ušakova. Reprintnoje izdanije. Moskva, Flinta, 2000.

ZÁTURECKÝ, A. P.: *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia*. Bratislava, Tatran, 2005.

Tatjana Grigorjanová

Department of Russian Studies, Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic

tatjana.grigorjanova@ucm.sk

Marina Stanislavovna Matytcina

Department of Foreign Languages, Faculty of Arts, Social Studies and Law, Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation

lipmarina@gmail.com